

Дело не в шоке, а в терапии

Об опыте рыночных преобразований в Польше и их уроках для России рассказывает профессор Школы управления Иельского университета (США) и Варшавской школы экономики **Жегож Колодко**, в 1994–1997 годах первый вице-премьер, министр финансов Польши

Жегож Колодко (Grzegorz Kolođko) — профессор Варшавской школы экономики, приглашенный исследователь в Международном валютном фонде. Советник президента Польши, первый вице-премьер и министр финансов (1994–1997 гг.), при котором Польша вошла в состав ОЭСР. Архитектор польских реформ, автор «Стратегии для Польши».

Родился в 1949 году в Польше. После окончания Варшавской школы

экономики в 1972 году и защиты диссертации в 1976-м преподавал в этой школе и получил звание профессора в 1984 году. В 1985–1986 гг. — старший научный сотрудник программы Fulbright в Университете Иллинойса. В 1989 году участвовал в переговорах «Польский круглый стол», которые привели к формированию первого постсоциалистического правительства в Восточной Европе. Член Экономического совета польского пра-

вительства в 1989–1991 гг. Директор исследовательского Института банковского дела и денежной политики при Национальном банке Польши (1988 год). Научный сотрудник Всемирного института экономических исследований ООН (WIDER, Хельсинки) в 1988–1989 гг. Директор исследовательского Института финансов в Варшаве (1989–1994 гг.). В 1998 году — приглашенный сотрудник Всемирного банка и ведущий научный сотрудник Йельского университета.

В 1996 году журнал Euromoney назвал Жегожа Колодко лучшим министром финансов Центральной и Восточной Европы. За выдающиеся достижения в реформировании польской экономики в 1997 году он был награжден престижной медалью президента Польши Comandoria Restiuta.

Автор и соавтор двадцати книг и двухсот статей и выступлений на конференциях на десятке языков (из них более шестидесяти — на английском). Одни из последних книг на английском языке: «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистической трансформации» (в печати), «Польская альтернатива. Старые мифы, упрямые факты и новые стратегии успешной трансформации польской экономики», 1997.

— Польша первой из стран бывшего соцлагеря и государств Восточной Европы сумела превысить уровень дореформенного производства, преодолев спад переходного периода. Это произошло в 1996 году, когда вы отвечали за экономическую политику. С тех пор экономические показатели Польши впечатляют — более 5 процентов ежегодного прироста ВВП. Этот успех — результат политики «шоковой терапии», начатой в 1990 году?

— Нет, такое толкование абсолютно неверно по целому ряду причин. Во-первых, переход это многоаспектный процесс, включающий либерализацию и стабилизацию, новые организационные мероприятия и микроэкономическую перестройку структуры производственных мощностей. По большому счету, только либерализация и стабилизация могут быть проведены радикальным способом, другие процессы всегда и всюду постепенны.

Во-вторых, в Польше даже либерализация со стабилизацией были не так уж радикальны, в еще меньшей степени это было терапией. Более половины цен были свободны уже в середине 1989 года, то есть до начала проведения так называемой шоковой терапии, 20 процентов ВВП приходилось на долю частного сектора, некоторые рыночные преобразования были уже осуществлены.

В-третьих, невозможно объяснить ежегодный прирост ВВП в среднем на уровне 6,4 процента в 1994–1997 годах политикой, проводимой в 1989–1991 годах! В реальных экономических процессах не бывает такого запаздывания.

В-четвертых, после 1993 года мы изменили политику: следуя разработанной мной

«Стратегии для Польши», мы перешли от непоследовательного и опрометчивого «шока без терапии» к «терапии без шока». Если бы Польша продолжила линию неверной политики 1989–1992 годов, сейчас она была бы больше похожа на Россию.

В-пятых, когда действующее правительство попыталось изменить свою политику, это снова замедлило рост, сведя темпы роста ВВП до скучных двух-трех процентов. Так что, в любом случае, польский экономический успех достигнут отнюдь не благодаря «шоковой терапии».

— Почему российский рубль рухнул, а польский золотой пережил валютный штурм? Ведь уровень задолженности России по отношению к ВВП был незначительно выше, чем у Польши, и Россия имела активное сальдо торгового и платежного баланса, в то время как у Польши был дефицит.

— При надлежащем финансировании дефицит платежного баланса — не такая уж плохая вещь. В «Стратегии для Польши» мы стремились к росту нормы накопления на пути экономического роста, а не сокращения ее, как это было в Польше в ходе «шоковой терапии» и, намного дольше, в России. Рост внутренних накоплений создает основу для иностранных инвестиций. Если страна инвестирует больше, чем сберегает, как это происходит в Польше, — у нее образуется дефицит текущих статей платежного баланса. Сейчас он на уровне 6,6 миллиарда долларов США, что составляет 4,5 процента ВВП, страна финансируется главным образом (до 93 процентов) за счет прямых иностранных инвестиций. А это приток капитала, не создающий задолженности. И в отличие

от ситуации в России этот капитал не может убежать.

К тому же после 1991 года мы не боролись за номинальную стоимость польского золотого. Россия под сильным нажимом МВФ, и особенно США, старалась держать курс рубля на уровне 6 рублей за доллар, в то время как необходимо было его скорректировать. Попытка корректировки была предпринята слишком поздно, осуществлена самым неправильным образом.

— Какой режим валютного курса вы порекомендовали бы для переходных экономик вообще и для России в частности?

— Каждый режим хорош в конкретных условиях. Модель валютного управления (currency board) оказалась хорошим решением для крошечной Эстонии, но она абсолютно не подходит для России и Польши. Идея Джорджа Сороса о привязке курса рубля по типу currency board была совершенно неуместна. Россия не может отдавать свой суверенитет в валютной политике. Сейчас, я думаю, России подходит режим управляемой девальвации, совмещающий предсказуемость движения курса и обеспечение конкурентоспособности экономики. Это мог бы быть, например, «скользящий коридор» (crawling band). Не может быть сильной валюты при большой экономике. Режим валютного курса должен подчиняться общим целям преобразований и экономической политики. Не нужно путать средства и цели политики, а ведь совершенно ясно, что механизм валютного курса является инструментом политики.

— Какие уроки следует извлечь переходным экономикам из валютных кризисов в Юго-Восточной Азии и Бразилии?

— Прежде всего надо осознать, что государственные учреждения играют важную роль. Рынок это не только либерализация и приватизация, как считают приверженцы неолиберального монетаристского направления. Такое мышление причинило много вреда в Польше в начале девяностых, до перехода к «Стратегии для Польши», и в России на всем протяжении девяностых годов.

Второй урок — нельзя путать системные преобразования с политикой развития. Система как таковая не заменит экономической политики. Посмотрите на Польшу. Мы значительно продвинулись со структурными преобразованиями и новой правовой базой, особенно в 1994—1997 годах, но следующее правительство изменило политику, и результаты не замедлили сказаться. Уже в четвертом квартале прошлого года темпы роста ВВП упали до 2,8 процента, в то время как влияние российского и восточноазиатского кризиса было незначительным.

Кроме того, нужно заботиться о справедливом росте. Если углубляется неравенство в доходах и благосостоянии различных слоев населения, рост не может быть устойчивым, будь то Восточная Азия, Россия или Бразилия. В Польше после 1993 года мы сдерживали рост коэффициента Джини (коэффициент концентрации, измеряющий степень неравенства в доходах. — «Эксперт»), чего не делали ни в Таиланде, ни в Бразилии. И еще более тяжелой стала ситуация в России, где в период между 1989-м и

1998 годами Джини подскочил примерно с 24 до 48 пунктов, в то время как в Польше — только с 26 до 31 в 1994 году и затем стабилизировался, как это было предусмотрено в «Стратегии для Польши». В последнее время он снова растет.

Еще один урок состоит в бессмыслиности борьбы за устойчивую валюту мерами денежной политики. Высокие процентные ставки облегчают жизнь главным образом спекулятивным инвесторам и сдерживают расширение реального сектора. Так, процентная ставка должна использоваться не столько для защиты валютного курса, а в первую очередь для увеличения накопления капитала внутри страны.

В пятых, либерализируйте текущие счета и приток капитала в нужное время. В первую очередь то, что нужнее, иначе спекулятивный капитал сбежит, как это случилось во многих странах.

И никогда не допускайте подчинения экономической политики каким-либо иным целям, кроме долгосрочного развития.

— Недавно вы представили и в России, и на Западе, свой оригинальный, состоящий из пятнадцати пунктов «План для России». Расскажите, пожалуйста, о нем поподробнее. Вы полагаете, он будет осуществлен?

— На основе своего анализа я сделал ряд заключений, почему в России дела пошли не так, как надо, и как я добился успеха в Польше. Программа также основана на моем опыте работы исследователя-политолога в международных организациях,

включая ООН, МВФ и Всемирный банк. И конечно, это годы теоретических исследований.

Мой «План для России» состоит из двух частей. Первая часть, «Россия для себя», начинается с необходимости бороться с коррупцией и организованной преступностью, которые до сих пор съедают все плоды реформ. В этом направлении решительный прорыв критически важен. Далее указываются другие необходимые структурные преобразования, включая потребность в рыночно ориентированной промышленной политике. Во второй части, «Мир для России», говорится о необходимости реструктуризации и списания долга в обмен на дальнейшие преобразования и интеграцию в мировую экономику. Внешний мир рано или поздно спишет часть долга, так как он не может быть выплачен, и это должно рассматриваться не как жест, а как добровольный вклад в будущее России и ее место в мире. Я надеюсь, что после совещания Большой семерки в Кельне в июне нынешнего года ситуация в этом отношении изменится. Но сначала вы должны начать настоящую борьбу с главными источниками российских бед — коррупцией, бегством капитала и организованной преступностью. И, конечно, найти того, кто будет готов взять на себя выполнение «Плана для России».

Беседу вел Владимир Попов

ЛУЧШИЕ ТРАДИЦИИ ДЕПОЗИТАРНОГО БИЗНЕСА

Учет и хранение любых типов
ценных бумаг

- Работа с инструментами международного рынка
- Оформление операций с наличными ценными бумагами
- Операции залога/заклада ценных бумаг
- Трансфер-агентское обслуживание
- Бесплатные консультации и информационная поддержка

ДЕПОЗИТАРИЙ
РОСБАНКА
www.custody.ru

6, ул. Вересаева, Москва, 121357, Россия.

Телефон: (095) 956 92 38. Факс: (095) 725 76 98.

Лицензия №138-00415-211400 от 30 ноября 1998 г.